

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА

вались вопросы, и там не было людей, которые могли спросить что-то неожиданное, потому что каждая встреча, каждый вопрос — это проблемы, которые нужно будет решить. Поэтому всё происходило по плановому алгоритму. Так удобно, поставлена цель — объехать территории, показать знание проблематики, сделать ТВ-картинку, и её нужно достичь.

Не считаю, что «царь хороший, бояре плохие». Просто была одна модель взаимодействия при прошлом губернаторе: сначала диалог, затем попытки принять решения, потом метания, кому больше угодить, а в результате власть закрылась в замке из слоновой кости, и иное мнение считалось априори оппозиционным.

Сейчас мы на пороге ключевого момента. Хотя выборы прошли, но они не закончились — впереди президентская кампания, поэтому в плане административного регулирования политпроцессов какая-то грань пройдена, и её сложно будет превзойти. И без адекватной оценки того, что произошло, дальше двигаться будет сложно. У нас может произойти не межэлитное противостояние, как было при Викторе Басаргине, а как в Москве: есть москвичи и есть правительство Москвы — два полюса.

У нас произошло то, чего не было в соседних регионах. Очень серьёзно были «почищены» списки избирателей: почти на 107 тыс. человек меньше было включено в списки по сравнению с прошлым годом. Избирателей в списках «стало меньше» на 5%. За год «исчез» каждый 20-й избиратель. Это открытые данные: на начало января и середину 2016 года наблюдалось колебание в пределах 5–6 тыс. избирателей, а если смотреть 2017 год, то уже с января по июль количество избирателей уменьшилось примерно на 60 тыс., а с июля ещё 40 тыс. человек были исключены из списков. В Свердловской и Кировской областях колебания в это время были в пределах 5–6 тыс. человек (в нормальных демографических погрешностях).

В два с лишним раза увеличилось количество проголосовавших в отдалённых населённых пунктах и проголосовавших вне помещения (9,09% от числа проголосовавших). Это техническая и административная работа, подгоняющая явку под конкретный результат, но не имеющая отношения к выборам.

— Это мы видим уже по итогу выборов, а что могло отпугнуть избирателей от участия в них 10 сентября?

— Первое — отсутствие конкуренции, серьёзных кандидатов, монопольное присутствие одного кандидата на телеканалах (в том числе фоново). Когда президент назначил врио, этот выбор заочно уже произошёл, потому что он «попал» в ожидания пермяков: местный, молодой, прогрессивный, работал в команде Юрия Трутнева, сменил разочаровавшего Басаргина.

Самое сложное в этой ситуации — побудить людей прийти на выборы, так как они понимают, что в этом процессе являются просто винтиками. Можно было вовлечь людей в дискуссию о программе развития региона, но это сложно, и зачем это делать, если можно подключить соцзащиту, раздать билеты, чтобы всех вытащить на участки, «почистить» списки и довести до грани ситуацию с муниципальным фильтром?

— В этот раз во время выборов Марат Башаров звонил избирателям, выдавали билеты в кино, была SMS-рассылка. В прошлом году, когда говорили о выборах, отмечали,

что они перестали быть праздником и пирожки в столовых не продают больше. Теперь вроде атмосферу праздника создали, но снова есть недовольные. Почему?

— Вспомните, как в прошлом году мы буквально «заставляли» избирком информировать население. В фейсбуке я публиковала списки адресов, входящих в округа, УИКи и кандидатов, позднее в СМИ это публиковали. Пытались вернуть избиркомы к избирателю. Ещё в 2015 году я на круглом столе предложила представителям избиркома: «Пожалуйста, сделайте ваши сервисы максимально клиентоориентированными, ведь интернет — средство коммуникации молодёжи. И если они ничего не понимают, то, что говорить о старшем поколении, которые являются основными избирателями».

Тогда всё воспринималось очень враждебно, болезненно, вплоть до того, что в соцсетях начали натравливать ботов, сотрудники избиркома позволяли давать личностные оценки. Только в этом году я почувствовала, что лёд тронулся.

Почему не радует то, что произошло? Все понимают, что такое информирование сделано в угоду политическому моменту, а не для потребителя, когда ему это надо было в 2016 году. А если бы тогда люди понимали, что их плохо информируют, кандидаты не ведут работу, может, теребили бы их, чтобы они активнее вели кампанию.

Понимаю, что нагрузка на избирательные комиссии в 2016 году была

На примере Максима Решетникова люди видят, что всё-таки социальные лифты работают. Это важный сигнал для молодёжи

запредельная, но ведь о том, что так будет, узнали тоже не в последний момент. Хорошо, что это делают сейчас. Хотелось бы, чтобы это не прекратилось и после 2018 года: случайно не исчезли бы средства на информирование. Марат Башаров не пропал бы и SMS не перестали бы приходить.

Конечно, с одной стороны позитивно, что молодёжь привлекли на участки путём выдачи билетов, но какой вред от попытки выработать рефлекс голосования за вознаграждение? Сейчас мы ничем от таких «лотерейных регионов» не отличаемся. Потеряли идентичность. — Вы достаточно жёстко высказываетесь, и многие вас из-за этого считают оппозиционным экспертом. Как вы себя сами в этом смысле оцениваете?

— Когда мы только начали заниматься рейтингами депутатов в ЦИТе, изначально практически полностью строили их на мнении экспертов. Но потом я поняла, что любое мнение нужно подкреплять цифрами.

Я стараюсь свою позицию подкрепить показателем либо погрузиться в этот процесс, как это было с муниципальным фильтром, потому что большинство экспертов, которые давали этому процессу оценку, не были погружены в ситуацию настолько, чтобы это комментировать.

Меня нельзя отнести к оппозиционным экспертам именно из-за того, что оценку я стараюсь основывать на показателях, фактах, на нормативных документах, на опыте. А какая она — про-

властная или нет... Знаете, чаще всего истина дороже.

— А были иные случаи?

— Например, когда Максим Решетников приступил к исполнению обязанностей губернатора, я искренне радовалась и до сих пор считаю, что Пермскому краю повезло. Неизвестно, как прошли бы выборы, если бы Решетникова обошли конкуренты в шорт-листе на место главы региона. Как минимум внутриэлитные конфликты бы продолжались.

Как представителю пермского сообщества, мне хочется, чтобы в регионе ситуация началась меняться к лучшему, а точку зрения пермяков учитывали, не пытались подмять в угоду чьим-то интересам.

Выборы не закончились, и нужно дать им оценку, чтобы из пермяков не делали избирателей «по вызову», которые нужны только в определённый момент. В чём здесь оппозиционность? Это скорее моя гражданская позиция. А оппозиционеры у нас есть, митинги проводят. Пытаются. Это другое.

— Вы участвовали в митингах?

— В 2011 году, мне кажется, все участвовали.

— А в этом?

— Нет.

— Я понимаю, как эта гражданская позиция проявляется в экспертной оценке, а как это проявляется в вашей непосредственной работе? Как вы определяете, с кем сотрудничать?

— Есть ориентиры. Понятно, что я как среднестатистический пермяк вожу детей в детский сад и школу, пользуюсь услуга-

ды из губернаторской кампании. Можете ещё какой-то совет дать губернатору?

— Нужно больше внимания обращать на местные кадры. Понятно, что с этой ситуацией у нас тяжёлая, но её усугублять не надо. Госслужба — работа технологичная, однако это именно служба и работа с людьми. Пусть это даже будет «пробуксовкой», но я помню проект Олега Чиркунова, когда он работал с «Вышкой» и в магистратуре по государственному муниципальному управлению преподавал сам. Понятно, что не все выпускники остались на госслужбе, но это был вклад Олега Чиркунова в решение проблемы.

— Это относится к скорому представлению нового правительства...

— С правительством всё понятно. Решетников уже здесь всё понял, и ему нужны люди, которые в его формате работают. Понятно, что те, кто работал при Викторе Басаргине, приходили для других задач. Дело и в первых лицах министерств, и в их замах, начальниках департаментов и т. д.

Новая муниципальная реальность

— Давайте поговорим о муниципальных выборах. В каких территориях люди проснулись в новой реальности 11 сентября?

— Эти муниципальные выборы не сильно повлияли на что-то. В Лысьве почти нет изменений в явке, там не было конкуренции на выборах в краевое законодательство, хотя дума обновилась. Не избрали Виктора Комаренко (*экс-председатель местной думы — ред.*), это было шоком. В Краснокамске серьёзные выборы в городе будут через год. В Большой Соснове затяжной кризис. В Кунгуре будет новый глава и, скорее всего, будет конфликт с местной думой. Важно очень внимательно подойти к назначению, не наломать дров. Город в крайне сложном социально-экономическом положении. Не могу сказать, что в Соликамске с выборами закончился политический кризис.

Как местное самоуправление «плюхалось» в своих проблемах, так и продолжает переходить из кризиса в кризис. Количество болевых точек, к сожалению, не уменьшается.

— Понятно, что негативных моментов много, а что хорошего произошло?

— По итогам выборной кампании? Мы достучались до крайизбиркома по поводу того, что нужно развернуться к потребителю услуг, сделать всё доступнее. И я надеюсь, что для многих муниципальных депутатов их подпись и значимость их статуса после событий 2017 года будет выше, здесь муниципальный фильтр сыграл просветительскую роль.

— А избирателю чего ждать?

— Появились надежды, вновь появилось много обещаний. Была усталость от Виктора Басаргина, поэтому голосовали за то, чтобы чиновники работали лучше, голосовали против неместных людей во власти и против коррупции.

На примере Максима Решетникова люди видят, что всё-таки социальные лифты работают. Это важный сигнал для российского избирателя. Они увидели 38-летнего губернатора. Максим Решетников окончил одну из лучших школ города, получил пермское образование и смог добиться результата благодаря трудолюбию, талантам и знаниям. Это сигнал для молодёжи. Это не просто надежды на лучшее, а меседж: «Давай, попробуй. Может, у тебя получится?» Это хороший пример для всех.